

матеріала дѣлаетъ обобщеніе, устанавливающее какъ вѣха на его найденномъ пути:

— «Я со всѣми людьми имѣю только одно твердое, несомнѣнное и ясное знаніе и знаніе это не можетъ быть объяснено разумомъ, оно вѣдь его»...

Художникъ еще задолго до этого обобщенія подтверждалъ его своими внутренними открытиями, однимъ изъ такихъ подтвержденій былъ Платонъ Каратаевъ—«непостижимое, круглое и вѣчное олицетвореніе духа простоты и правды»,—показавшій на самомъ себѣ, что «жизнь есть Богъ и движение жизни есть Богъ».

Истина не осознается, ее знаютъ «неразумные» дѣти и не знаютъ взрослые. Мы снова и снова встречаемся съ борьбой Толстого съ разумомъ.—«Человѣкъ рождается со знаніемъ истины, говоритъ онъ, со знаніемъ истинной жизни, дѣти живутъ ею, на дѣтяхъ видно, въ чемъ воля Отца. Чтобы понять учение Христа, надо понять жизнь дѣтей и быть такими же какъ они».

Гибелю и спасеніемъ человѣка подтверждается эта мысль.—Когда писатель подходилъ къ «вѣрующимъ ученымъ», сомнѣнія возникали въ немъ, ихъ доводы все болѣе удаляли его истины, онъ чувствовалъ, «что идетъ въ пропасть».

А когда слушалъ «разговоры безграмот-